

К.В. МЕЛЬЧАКОВА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

СЛАВЯНЕ-МУСУЛЬМАНЕ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ В ТРУДАХ А. Ф. ГИЛЬФЕРДИНГА

Abstract:

Melchakova K.V. *Slavic Muslims of Bosnia and Herzegovina in A.F. Hilferding's works*

The article focuses on the history of Muslim Slavic population of the Ottoman provinces of Bosnia and Herzegovina in the 1850s. The author attempts to reconstruct an image of the Slavic Muslims who were living in Bosnian pashaluk and Herzegovinian Sandzak. The research is based on the works of A.F. Hilferding — the Russian Consul in Sarajevo, a Slavophil and historian. The main emphasis of the article is on the history of the Slavic aristocracy.

Ключевые слова: Османская империя, Босния, Герцеговина, славяне-мусульмане, беговат, А. Ф. Гильфердинг.

Во второй половине XIX в. в Европе значительно вырос интерес к славяно-турецким областям — Боснии и Герцеговине¹. В основу сочинений западноевропейских авторов легли впечатления от путешествий по этим землям. Однако одним из первых свои путевые заметки о Боснии составил славянофил, ученый-славист, российский консул в Сараеве Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872).

Его пребывание в Боснии относится к 1857–1858 гг. За время своей службы Гильфердинг совершил три поездки по территориям славянской Турции. Данные, собранные в ходе этих путешествий, легли в основу его сочинений — «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» и «Босния в начале 1858 года»². Оба труда несколько раз переиздавались еще при жизни Гильфердинга³ и пользовались популярностью. В 1859 г. появились первые переводы их на сербский язык⁴.

На страницах своих сочинений Гильфердинг концентрирует внимание на проблемах православного населения провинций. Перед читателем предстает коллективный портрет несчастного угнетенного народа. Образ мусульман присутствует в меньшей степени. В трудах российского консула встречаются мусульмане-османли (чиновники из Константинополя), мусульмане-албанцы, мусульмане-славяне и даже мусульмане-цыгане. В данной статье речь пойдет о мусульманском населении славянского происхождения.

К сожалению, точные статистические данные об этноконфессиональном составе населения Боснии и Герцеговины рассматриваемого периода отсутствуют. Если ориентироваться на цифры переписи 1850–1851 гг.,

можно говорить, что исламизированное население составляло примерно 40 % от общего числа жителей провинций⁵.

Боснийские мусульмане — явление уникальное. Гильфердинг указывает на то, что они отличались и от своих братьев, славян-христиан, и от турок, и от албанцев- мусульман.

Прежде чем приступить к описанию созданного Гильфердингом портрета типичного боснийского славянина-мусульманина, стоит остановиться на вопросе о том, а кем сам русский путешественник и дипломат был в глазах местного населения. Из текста его сочинений мы узнаем, что представителей далёкой России местные жители звали «московами». Кто же такие, эти загадочные «московы»?

«Москов представляется босняку-мусульманину каким-то страшным, мистическим существом. “Все гяуры⁶ злы, говорят они, но самый злой гяур — москов”. Когда мусульманин захочет выразить самым страшным образом ненависть свою к “влаху” (христианину), то он назовёт его *московом*», — пишет Гильфердинг⁷. Примечательно также, что ненавистное новогурецкое платье османских чиновников, скроенное на европейский манер, боснийские мусульмане почему-то именовали «московским»⁸.

Российский дипломат православного вероисповедания вряд ли мог должным образом изучить особенности воззрений и жизненного уклада боснийских мусульман. Он не скрывает, что многие вопросы для него так и остались непонятными и неразгаданными. Тем не менее, во время путешествия его неоднократно принимали в домах местной мусульманской знати со всем славянским радушием и восточным почтением.

Дома же эти не отличались красотой. Путешествуя по Боснии и Герцеговине, Гильфердинг повсеместно сталкивался с разрухой. Особенно печальный вид имели городские кварталы и сельские угодья, принадлежащие мусульманам. Исламизированное население по большей части проживало в городской местности. Все города, как один, были похожи друг на друга: «Те же домики из нежжёного кирпича, большей частью необелённые и окружённые бесконечными заборами, те же узкие гладкомощённые улицы, та же гаршия (гостиный двор)»⁹. Большинство городских жителей Боснии составляло мусульманское население — аги, беги¹⁰, прежние дворовые и сельские люди (кметы), занимающиеся торговлей и ремеслом¹¹. Мусульманский город и деревня мало отличались друг от друга. Российский консул дает такое описание: «Удивительно, как в Боснии и Герцеговине пустеет и разрушается всё то, что принадлежит мусульманам. Вы встречаете село и видите в нем развалившуюся, брошенную избу: спросите, чья была эта изба, и вам непременно скажут, что в ней жил мусульманин»¹². Удручающие картины мусульманских жилищ Гильфердинг встречал во всех уголках Боснии и Герцеговины¹³.

Большое внимание в своих работах он уделяет вопросу религии. Принятие ислама славянскими народами — явление действительно уникальное. Боснийские славяне когда-то переменяли вероисповедание, опасаясь расправ со стороны османов, но постепенно прониклись этой религией настолько, что «сделались турками»¹⁴. «Фанатизм и отсутствие духовной силы»¹⁵ — вот чем, по мнению Гильфердинга, ислам ознаменовал себя на славянской почве. Он пишет, что боснийские мусульмане — самые ярые фанатики, с которыми не сравнятся ни турки, ни арабы, ни албанцы¹⁶. Достаточно вспомнить события 1850–1851 гг., когда в Боснии разразилось восстание представителей беговата против власти Османской империи. Султан направил туда Омер-пашу, который жестоко «разобрался» с возмутителями спокойствия и восстановил порядок в регионе. Тогда местная аристократия сражалась против султана, но за мусульманскую веру.

До середины XIX в. в Боснии представители местной аристократии всеми средствами пытались обратить в ислам как можно больше людей: была распространена практика похищения девушек и детей из христианских семей¹⁷.

Реформы Танзимата, принятие европейских ценностей для боснийских мусульман являлись признаками приближающегося конца света, который окончательно наступит, как только гяуры возьмут власть над Боснией, отмечает Гильфердинг¹⁸.

По наблюдениям дипломата, боснийские мусульмане были более образованны, нежели христиане. В каждом городке имелись училища. Однако эта образованность, по его словам, носила «восточный» характер — всё сводилось к заучиванию Корана наизусть и урокам турецкого языка. Наиболее даровитые ученики знакомились с арабской и персидской литературой¹⁹.

Родной славянский язык применялся только в устной речи. Гильфердингу удалось обнаружить лишь два письменных произведения, записанных боснийскими мусульманами на своем языке, но турецкими буквами, — они были созданы на рубеже 1840-х–1850-х годов²⁰. Что касается устного народного творчества, то, в отличие от христиан, слагавших героические песни, в творчестве славян-мусульман больше звучали лирические мотивы²¹.

Боснийские спахи²², по словам Гильфердинга, прекрасно владели сербским языком, они сохранили его древние формы, но их речь сильно пестрила турецкими словами²³.

Для славян-мусульман Боснии и Герцеговины большое значение имели родственные связи и история предков: «дух братства и взаимной поддержки гораздо сильнее в боснийских мусульманах, нежели в христианах», — писал Гильфердинг²⁴. Отличительной чертой боснийских

мусульман, по его утверждению, являлась «безжизненная, ленивая гордость», которая наполнялась либо добродушием и благородством, либо отвратительной злостью²⁵. Горделивого боснийца Гильфердинг представляет так: «Вы с первого взгляда можете узнать мусульманина-босняка по манерам и походке: он смотрит на всё с таким презрением, он двигает свои толстые, заспанные члены с неописанною вялостью»²⁶. «Гордецам» тем не менее была присуща трусость, особый трепет у них вызывали черногорские юнаки²⁷.

«Как же живут босняки-мусульмане, что они делают? Обратитесь с этим вопросом к самому босняку, и он нам ответит следующими тремя словами: так вот сидим», — пишет Гильфердинг²⁸. На страницах его трудов славяне-мусульмане сидят на корточках и с чубуком дома, сидят в лавках и кофейнях. «Босняк придёт утром к источнику, напьётся воды, сколько может за один раз, сядет где-нибудь поблизости, закурит трубку и сидит с полчаса или с час; потом подойдёт к ключу, опять напьётся и опять сядет и т. д. до пределов возможности», — сообщает Гильфердинг²⁹.

Городские жители держали лавки, но они не приносили никакого дохода, а их владельцы жили в основном за счет своей земли³⁰. «Если мусульманин — купец, то он тоже сидит в своей лавочке, которая в длинном ряду других, совершенно одинаковых лавочек, удивительно похожа на те клетки для львов и медведей, какие строятся рядами в заграничных зоологических садах; не достает только решетки», — продолжает повествование Гильфердинг³¹. Пока купец наслаждается созерцанием мира, нанятые им христиане занимаются закупкой товаров и работают в лавке, а «вечером, за ужином, играющим роль нашего обеда, почти всякий благочестивый поклонник Пророка в Боснии считает долгом до последней возможности напиться знаменитейшим произведением своей родины, сливовицей (водкой, выгоняемой из слив), и удаляется в гарем»³².

По словам Гильфердинга, гарем боснийского мусульманина совсем не такой, как у османли из Константинополя. Многоженство в Боснии не прижилось. Такие случаи в семьях боснийских мусульман встречались редко и вызывали всеобщее порицание³³. Девушкам из славяно-мусульманских семей дозволялось по пятницам ходить с открытым лицом и свободно общаться с молодыми людьми. Затворничество начиналось только после брака: «Когда несчастная выйдет замуж, то ей закутывают голову непроницаемой белой простыней, запрут ее и отлучат ее от всякого мужского общества. Она будет видаться лишь с другими женщинами-затворницами, и с ними будет она иногда водить, под замком, уединенное “коло” и петь грустные песни; но главным занятием и прелестью всей ее жизни сделаются сплетни и тайные сердечные интриги, от чего, как

уверяют, нигде в Боснии нет такого разврата, как между мусульманками», — сообщает Гильфердинг³⁴.

Боснийские мусульмане также не признавали запрет на употребление алкоголя. Впрочем, это касалось и чиновников из Константинополя. «Разница между босняком и чиновником-османлием та, что первый пьет страшно, но часто, после нескольких лет пьянства, бросит вдруг хмельное и до смерти его уж в рот не возьмет, а второй никогда уже не бросит», — отмечает автор³⁵.

Что касается общественной жизни, то российский консул пишет о ее полном отсутствии³⁶. Следует заметить, что характеристика ленивого, неповоротливого боснийца, который смиренно созерцает окружающее его «разрушение», относится не только к мусульманам, эти черты Гильфердинг видит и у местных христиан.

Самый важный элемент боснийского общества составляла мусульманская знать — беговат. Благодаря добровольному принятию ислама, Босния и Герцеговина стали одной из немногих территорий на Балканах, где сохранилась своя славянская аристократия.

«Мусульманская знать, конечно, уже совсем не то, что она была прежде в Боснии, когда она безответно располагала всей страной, выгоняла стамбульских пашей, сражалась беспрестанно с султанским войском. Теперь она не имеет никакой официальной власти; все преимущества ее отняты, главные ее предводители погибли в войне 1851 года и умерли в ссылке», — пишет Гильфердинг³⁷.

Большинство бегов стояли в оппозиции к султанскому правительству. Однако в среде беговата не было единства. Одна его часть старалась разными средствами избавиться от подчинения закону и общественному порядку и, пользуясь корыстолюбием и фанатизмом османских властей, продолжала буйствовать и грабить своих кметов, христиан³⁸. При этом, по наблюдениям российского консула, к своим кметам беги относились одинаково, будь они христиане или мусульмане³⁹. Кметы же мусульмане и кметы-христиане находились в мирных отношениях, а порой и дружили⁴⁰.

Другая часть беговата после событий 1851 г. изменила свое отношение к христианам, превратившись из их гонителей в защитников. Таким образом, беги рассчитывали на своих братьев по крови, как на главную опору в борьбе с правительством. Гильфердинг именует их «либеральной оппозицией»⁴¹.

После 1851 г. основная масса чиновников назначалась Портой из Константинополя; представители местного беговата оставались у власти в редких случаях. Как отмечалось выше, большинство из них находились в оппозиции к правительству, однако были и исключения.

Гильфердинг разделяет представителей местной аристократии, пожелавших служить султану, на две категории: «благородные» и «фанатики»⁴². Отличительными чертами «благородной» части беговата являлись, по его словам, добродушие и откровенность. Эти качества не отменяли, впрочем, свирепости и строгости по отношению к христианам. Тем не менее, эти чиновники пользовались всеобщим уважением и являлись главными арбитрами в разрешении споров. Самый яркий представитель «благородной» части знати в Герцеговине на страницах труда Гильфердинга — мудир⁴³ Столаца Ханзи-бег Ризванбегович. Несмотря на свою строгость, он считался одним из самых лучших и справедливых управленцев в Боснии и Герцеговине, который усмирил не одно волнение герцеговинских христиан путем мирных переговоров⁴⁴. Абсолютной противоположностью Ханзи-бега являлся мудир Требинья Хаджи-бег Ресулбегович. Он слыл главным мудрецом во всей Герцеговине, знал наизусть Коран, совершил хадж в Мекку. При этом местные христиане называли его не иначе как «кровопийца»: Хаджи-бег был жесток и беспощаден по отношению ко всем, кто не исповедовал ислам. Его действия не раз провоцировали народные восстания в Герцеговине⁴⁵.

По мнению Гильфердинга, сохранить Боснию для Османской империи помогла именно феодальная аристократия. В противном случае, эти земли давно бы поглотили Австрия или Сербия⁴⁶.

Многие представители беговата хранили у себя старинные грамоты сербских и боснийских королей, которые передавались из поколения в поколение. Гильфердинг пишет: «Возможность такого переворота, в котором пришлось бы опять предъявлять права, дарованные христианскими государями, не теряется из виду боснийскими бегами, и они даже не скрывают, что когда “крест” восторжествует, они готовы будут снова ходить в церковь, как их праотцы»⁴⁷.

В своих стремлениях к обретению независимости от Османской империи боснийцы, по свидетельству Гильфердинга, искали поддержки у соседних народов: «Как прикажете растолковать босняку начала политического консерватизма, незаконность революционных предприятий и вмешательство консервативного начала для подавления революционного, когда вся политика босняка, будь он мусульманин, католик или православный, всё равно заключается в одном убеждении: что братья по вере составляют один народ и должны помогать друг другу? Это убеждение в босняках неискоренимо: даже мусульмане боснийские, сколько им ни твердили в последнее время о невмешательстве иностранцев во внутренние дела Турции, о том, что “султан есть полный хозяин в своём доме”, всё-таки никак не могут понять, чтобы какое-нибудь государство могло не заступаться за своих единоверцев»⁴⁸.

В своих трудах Гильфердинг затронул вопрос о жизнеспособности оппозиции беговата. Несомненно, иностранец-христианин вряд ли мог рассчитывать на то, что его посветят в планы местной аристократии. Тем не менее, на основании собственных наблюдений и размышлений, он пришел к следующему выводу: «Едва ли в этой аристократии есть какая-нибудь живая политическая сила. Положение ее слишком шатко и двусмысленно, слишком велико противоречие между политической задачей — быть защитницей народа, и природными инстинктами, которые влекут ее к фанатизму и угнетению. Боснийские беги могут еще не раз сделаться предводителями диких шаек, которые будут грабить и жечь христианские села, как бывало в старину и как случилось недавно в Посавинье и Крайне; но стать во главе народа, во главе христиан, чтобы вести их к приобретению человеческих прав и к просвещению, на это едва ли достанет у боснийской аристократии нравственных сил»⁴⁹.

В результате прогноз Гильфердинга неутешителен: «Боснийская аристократия будет, вероятно, отстранена или задавлена ходом истории»⁵⁰.

Таков коллективный портрет представителей славян-мусульман Боснии и Герцеговины в середине XIX в. в трудах А. Ф. Гильфердинга, которые являются одним из немногих источников того периода, описывающих жизненный уклад этой категории населения. Из текста его работ следует, что представители феодальной аристократии в этих провинциях Османской империи не составляли единой политической силы. После подавления восстания 1850–1851 гг. беговат был ослаблен, но большинство бегов сохранили сепаратистские устремления. Однако не вызывает сомнений, что уже к 1858 г. мусульмане Боснии и Герцеговины действительно ощущали себя отдельной группой населения, — у них были свое понятие веры, характерные особенности языка, собственные лирические песни. При всем этом они не теряли славянских корней, удивительным образом сочетая заветы Пророка с устоями и традициями своих предков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: *Ekmečić M. Slika o Bosni i Hercegovini u evropskoj putopisnoj literaturi od 1850 do 1858. godine.* // *Balkanica VIII.* Beograd, 1977; *Breccwell W. C. Opinion-maker: the Balkans in british popular literature, 1856–1876* // *Jugoslovensko-britanski odnosi.* Beograd, 1988; *Lukić-Tesarović I. Sećanja britanskih putnica koje su putovale po našim krajevima u 18. i 19. veku* // *Jugoslovensko-britanski odnosi.* Beograd, 1988; *Растовић А.* Британски путописци у Босни и Херцеговини у другој половини XIX и почетком XX века // *Зборник за историју Босне и Херцеговине.* Т. 4. Београд, 2004.

² *Гильфердинг А. Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия // *Собрание сочинений А. Гильфердинга.* Т. 3. СПб., 1873; *он же.* Босния в начале 1858 года // *Там же.* (далее ссылки даются по этому изданию. — *К. М.*)

- ³ *Гильфердинг А.Ф.* Босния. Путевые заметки. (Письма к А.С. Хомякову) // Русская беседа. 1858. Т. 1. Смесь. С. 54–76; Русская беседа. 1858. Т. 2. Смесь. С. 65–92; Русская беседа. 1858. Т. 3. Смесь. С. 64–97; Русская беседа. 1858. Т. 4. Смесь. С. 51–80; Русская беседа. 1859. Т. 1. Смесь. С. 125–132; Русская беседа. 1859. Т. 2. Смесь. С. 57–104; *он же.* Путешествие по Боснии, Герцеговине и Старой Сербии // Записки Русского географического общества. Т. 13. СПб., 1859/60.; *он же.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. М., 1859; *он же.* Босния в начале 1858 года // Вестник Императорского Русского географического общества. СПб., 1858. Т. XXIII. Отд. II. С. 69–126; *он же.* Босния в начале 1858 года // Русская беседа. 1858. Т. IV. Приложения. С. 1–58.
- ⁴ Србский летопись 1859. Матица србска. Т. 1, Т. 2. Будим, 1859; Србский летопись 1860. Матица србска. Т. 1, Т. 2. Будим, 1860; Часови одмора. Т. 3. Београд, 1859.
- ⁵ *Гильфердинг А.Ф.* Босния в начале 1858 года. С. 283–284; *Pasko Vasa-efendija.* Bosna i Hercegovina za vreme misije Dževdet-efendije. Banja-Luka, 2011. S. 28–29.
- ⁶ Гяур — презрительное прозвище немусульман.
- ⁷ *Гильфердинг А.Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 5.
- ⁸ Там же. С. 56.
- ⁹ Там же. С. 166.
- ¹⁰ Аги и беги — представители боснийской аристократии, принявшие ислам, землевладельцы.
- ¹¹ *Гильфердинг А.Ф.* Босния в начале 1858 года. С. 292.
- ¹² *Он же.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 22.
- ¹³ Там же. С. 19, 22, 23, 251.
- ¹⁴ *Гильфердинг А.Ф.* Босния в начале 1858 года. С. 292–293.
- ¹⁵ Там же. С. 293.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 294.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 297.
- ²⁰ Там же. С. 298–300.
- ²¹ *Гильфердинг А.Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 28.
- ²² Спахии — представители боснийской аристократии, получившие от султана право взимать десятину в округах (спахилуках) при условии несения службы со своими людьми в султанском войске. Это право было упразднено Омер-пашой в 1851 г.
- ²³ *Гильфердинг А.Ф.* Босния в начале 1858 года. С. 301–302.
- ²⁴ Там же. С. 296.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. С. 297.
- ²⁷ Юнак — герой.
- ²⁸ *Гильфердинг А.Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 55.
- ²⁹ Там же. С. 249.
- ³⁰ Там же. С. 72.
- ³¹ Там же. С. 55.

- 32 Там же.
- 33 *Гильфердинг А. Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 55; *он же.* Босния в начале 1858 года. С. 294.
- 34 *Он же.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 56.
- 35 Там же. С. 57.
- 36 Там же. С. 55.
- 37 Там же. С. 261–262.
- 38 Там же. С. 262.
- 39 Там же. С. 89.
- 40 *Гильфердинг А. Ф.* Босния в начале 1858 года. С. 315.
- 41 *Он же.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 262.
- 42 Там же. С. 17.
- 43 Мудир — управитель нахии (уезда).
- 44 *Гильфердинг А. Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 29.
- 45 Там же. С. 17.
- 46 *Гильфердинг А. Ф.* Босния в начале 1858 года. С. 295.
- 47 Там же. С. 302.
- 48 *Гильфердинг А. Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 269.
- 49 Там же. С. 263.
- 50 Там же.